

Научная статья
УДК 94 (470. 22) «1917/1991»
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.008

«ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ» АРМЕЙСКОЙ И ФЛОТСКОЙ ЖИЗНИ: РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Елена Юрьевна Дубровская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Аннотация

На материалах впервые вводимых в научный оборот архивных документов из фондов Национального архива Финляндии, Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге, публикаций в периодической печати 1917 года и мемуарной литературы исследованы аспекты социально-политических трансформаций, которые в период российской революции происходили в русских войсках, размещенных на территории бывшего автономного Великого княжества Финляндского. В статье рассмотрены неоднозначно оцениваемые проявления «демократизации» армейской и флотской жизни, а также их влияние на общественные настроения офицеров, солдат и матросов. Показаны последствия трансформационных процессов, развивавшихся в российских войсках на заключительном этапе Первой мировой войны, как для боеспособности сухопутных и морских частей, так и для взаимоотношений военнослужащих и населения Финляндии.

Ключевые слова:

Финляндия, российские военные, революция 1917 года, «демократизация», социально-политические трансформации

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (FMEN-2021-0009 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

Для цитирования:

Дубровская Е. Ю. «Демократизация» армейской и флотской жизни: российские военные в Финляндии в период социально-политических трансформаций революции 1917 года // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 86–100. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.008.

Original article

“DEMOCRATIZATION” OF ARMY AND NAVAL LIFE: RUSSIAN SERVICEMEN IN FINLAND DURING THE SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION OF THE REVOLUTION 1917

Elena Yu. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Abstract

The materials of archival documents first introduced into scientific circulation from the funds of the National Archive of Finland, the Russian State Archive of the Navy in St. Petersburg, publications in the periodical press of 1917 and memoir literature examined aspects of socio-political transformations that took place during the Russian revolution in the Russian troops placed on the territory of the former autonomous Grand Duchy of Finland. The article considers the ambiguously assessed manifestations of the “democratization” of army and naval life, as well as their influence on the public mood of officers, soldiers and sailors. The consequences of the transformational processes that developed in the Russian troops at the final stage of the First World War are shown, both for the combat effectiveness of land and sea units, and for the relationship between military personnel and the population of Finland.

Keywords:

Finland, Russian servicemen, 1917 revolution, “democratization”, socio-political transformations

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. FMEN-2021-0009 “Karelia in the conditions of social transformations of the XVII–XXI centuries: new approaches and interpretations” assigned to the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Dubrovskaya E. Yu. “Democratization” of army and naval life: Russian servicemen in Finland during the socio-political transformations of the Revolution 1917. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 86–100. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.008.

Введение

Первая мировая война, ставшая катализатором Великой российской революции 1917 года и последовавших за нею гражданских войн, оказала колоссальное влияние на ход отечественной и мировой истории в XX веке. Этим определяется огромный исследовательский интерес к теме в России и за рубежом. Сегодня Первая мировая война оценивается не в качестве прелюдии «Великого Октября», как было принято в советской исторической науке, но как «эпохальное событие, приведшее к социально-экономической и политической трансформации Евразии и значительной части остального мира» [1: 3]. В истории более чем столетнего пребывания Финляндии в составе Российского государства, когда на территории автономного Великого княжества Финляндского находились военнослужащие российской армии и флота, период Первой мировой войны занимает особое место [2: 270–373]. Особенность флотских и армейских частей и соединений, находившихся в гарнизонных городах княжества и на балтийских военно-морских базах, определяется тем, что Финляндия, не став театром военных действий, не являлась и тылом в его обычном понимании. Размещенные здесь соединения входили в состав действующих армии и флота. Условия их жизни, существенно отличавшиеся от фронтовых, нельзя отождествлять и с обстоятельствами службы в тыловых гарнизонах в глубине России, особенно это касается частей, стоявших вдоль государственной границы.

Социокультурные, экономические и политические трансформации, характерные для российской истории периода Первой мировой войны и раннесоветского времени, ставят перед исследователем вопросы изменения и воспроизводства социальной жизни (ее политические, этнические, культурные, социально-психологические аспекты). По наблюдениям ярославских историков В. П. Федюка и О. В. Ольневой, общественные изменения, затрагивающие конкретного человека, «становятся оценкой эпохи, определяя активную или пассивную позицию общества по отношению к происходящему», а своеобразным «переживанием» общественных изменений являются общественные настроения [3: 251]. К последствиям войны, повлиявшим на социокультурную жизнь армии и флота, относится не только усиление патриотизма, но и проявления ксенофобии, формирование «образа врага» в представлениях военнослужащих, который накладывался на этнический образ (немца, финна, шведа), а также нарастание бытового национализма, изменение отношения к собственности и труду. Эти изменения характеризуют и повседневную жизнь солдат, матросов и офицеров [4: 88–91]. Личный состав армейских частей, многие из которых прибывали в Финляндию для отдыха и пополнения, менялся достаточно часто, так что общая усталость от войны, присущая основной массе рядовых российской армии к 1917 году [5], в меньшей степени затронула военнослужащих войск на территории финляндского княжества.

На основании документов, выявленных в архивах Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Хельсинки, а также опубликованных источников и прежде не вводившихся в научный оборот публикаций в русских периодических изданиях 1917 года была предпринята попытка изучения трансформации социальных ценностей, провоцировавшей в обществе состояние социального напряжения и вместе с тем укреплявшей свойственные военным старые психологические стереотипы. В частности, в отношении населения бывшего Великого княжества Финляндского. В русле исследования проблемы «Гражданские и военные: трансформация политических предпочтений и ее отражение в политической культуре Финляндии в годы Первой мировой войны» целесообразно рассмотреть механизмы формирования общественных настроений военнослужащих, особенности их мировоззрения как высшей степени организации социального поля, одной из форм проявления которого становится политическая идеология [6: 33].

«Маленький человек» на страницах периодики и неопубликованных писем: настроения, симпатии, предпочтения

Период с конца февраля до начала мая 1917 год — весьма значительный этап в политическом развитии русских гарнизонов в Финляндии. Воздействие общероссийского революционного процесса на судьбы войск, находившихся в Финляндии, не было односторонним. Военнослужащие активно включались в движение демократического, антивоенного, антибуржуазного и прочих взаимопроникающих потоков и сыграли заметную роль в общественной жизни страны.

За несколько мартовских и апрельских недель почти во всех частях и гарнизонах возникли выборные Советы и комитеты военнослужащих, явочным порядком осуществлявшие

«демократизацию» войск. Своей основной задачей они считали поддержку совершившейся революции и установление контроля в армейских частях и на кораблях Балтийского флота. Весной 1917 года комитеты все больше сознавали себя как власть и решительно вмешивались в жизнь своих частей и соединений, выступали против внешнеполитического курса Временного правительства с его верностью союзническому долгу и ориентацией на продолжение войны, длившейся четвертый год.

Рис. 1. Колонна российских военных подходит к месту проведения митинга на Сенатской площади в Гельсингфорсе, Весна 1917 года [7]

Вовлечение рядовых военнослужащих в набиравшую силу солдатскую революцию непреднамеренно усиливало и национальную революцию финляндцев. В специфических финляндских условиях это наряду с «демократизацией» необычайно осложнило положение армии и флота России на северо-западном рубеже воюющего государства. Отказ от единоначалия командного состава вел к нарушению боеспособности и к фактическому разложению финляндских войск.

Британский исследователь проблем российской революции 1917 года Ивэн Модсли указал на необходимость разграничивать понятия «демократизация» (которое предполагает организацию подразделений по неиерархическому принципу) и «политизация» (как широкий рост интереса военнослужащих к политическим вопросам, сопровождавшийся проникновением в среду нижних чинов «штатских политических активистов, обычно социалистов или националистов») [8: 559].

За более чем вековой период вхождения Финляндии в состав Российского государства армия и флот призваны были своим присутствием постоянно напоминать населению княжества о необходимости уважительного отношения к имперской власти, а военная сила всегда оставалась последним аргументом в пользу сохранения общественного порядка и лояльности ее политике. Если первые десятилетия этого периода были отмечены лояльными настроениями финляндцев по отношению к центральной имперской власти и к российским войскам, стоявшим в гарнизонных городах, то в конце «русского периода» в истории Финляндии сопротивление её жителей было направлено против ненавистной им гражданской и военной администрации.

С началом революционных событий их представление о русских солдатах и матросах, как и взгляд военных на самих себя, основанный на ежедневных наблюдениях в частях и подразделениях,

на гневных газетных публикациях и сообщениях о происшествиях в гарнизонных городах Финляндии, все меньше соответствовали тому образу воина-богатыря, который с первых дней войны старались формировать официальные правительственные издания.

«Демократизация» армии и флота, начавшаяся весной 1917 года, вызвала озабоченность самих моряков и армейцев, которые пытались привлечь внимание матросов и солдат к такому большому вопросу, как соблюдение воинской дисциплины. О бесчинствах сограждан по отношению к местному населению с горечью писали «Известия» солдатских и матросских депутатов в бывшей великокняжеской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) и в городе Або (Турку). Среди корреспонденций с мест в редакции этих газет и заявлений в секцию Охраны народной свободы Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих подобные сообщения составляют немалую часть¹.

Одно из них — рифмованное обращение к «товарищам-солдатам» рядового 7-й роты 422-го пехотного Колпинского полка Павла Астриловского — характеризуется признаками «наивного письма» (архаичностью языка, безграмотностью [9: 11]). И все же оно весьма примечательно благодаря содержащемуся в нем противопоставлению «свободы» и «воли» как вседозволенности, разнузданности распустившихся солдат:

«Мы свободу получили и не можем удержать.
Большу волю натворили, на кого будем пенять?
Прошу товарищей всецело пробудиться ото сна,
Ввести в войсках всех дисциплину, нам свобода дорога.
Мы лишаемся свободы, теряем жен своих, детей,
Роднова края не увидим [из-]зза воли [из-]зза своей»².

Уже весной 1917 года власти соседней Швеции уведомляли командование пограничных частей, что русские солдаты вооруженными переходили границу и не только посещали танцевальные вечеринки в приграничных населенных пунктах или предпринимали преследования дезертиров, уводя их обратно в Финляндию, но и обстреливали шведских пограничных стражников и частных лиц. Подобные сведения, поступившие от Королевского шведского инспекторского отделения, выглядят достоверно и, к сожалению, не противоречат фактам из российских источников. На состоявшемся в конце мая заседании гарнизонного комитета в городе Торнео, где рассматривались схожие чрезвычайные происшествия по вопросу о соблюдении военными установленной формы одежды, было принято постановление «считать недопустимым хождение без погон», пояса, «носить брюки навыпуск, кому это не положено, а также ходить в смешанной форме одежды»³.

Хотя комитет вынес заключение, что нелегальный переход границы имел место не в пределах 2-го участка Финляндской пограничной охраны, депутаты напомнили солдатам пограничного гарнизона о недопустимости подобных происшествий, поскольку это наносит «вред нашей Родине» и вызывает «нарекания и протест соседнего нейтрального государства»⁴.

О фактах наблюдавшегося повсеместно пренебрежения рядовых к выполнению уставных требований, в том числе и в отношении обмундирования, весьма красноречиво рассказано в сатирическом стихотворении, опубликованном в Выборге:

Раз в июньский чудный день,
Просто удивленье,
Я гулял и увидал
Новое явление.
Вот, смотрю, идет солдат,
А сапог без пятки,
От загара на руках
Зимние перчатки.
А затем — сидит другой,

Ворот нараспашку —
Видно, хочет показать
Тельную рубашку.
У троих на головах
Шляпы из соломы
И в накидку шинеля —
Вот головолумы!
Разных тряпок, бантов, лент
Чуть не все нашили.
Видно, сделать маскарад
В Выборге решили.
Есть — одеты пополам
В штатское с военным,
И охота щегольнуть,
Взять лишь негде, бедным.
Да, свободу дали нам,
Дали нам, ребята,
Но не надо забывать,
То, что мы солдаты.
А наш Выборг — не Париж,
Чудо не свершилось,
И пока ещё для нас
Мода не сменилась!»⁵.

Офицер Балтийского флота Э. С. Панцержанский, прибывший в Гельсингфорс из Ревельской военно-морской базы в мае 1917 года, так вспоминал о своих впечатлениях от увиденного: «этот красивейший портовый город Финского залива, оспаривающий первенство за лучший порт Балтийского моря, после переворота наружно очень мало изменился. Жизнь как будто бы шла своей обычной колеей. Магазины, базары, кафе работали как всегда. Необычным было только одно — большое количество моряков, по делу и без дела ходивших по городу в урочное время, при этом в большинстве случаев разнообразно одетых с фуражками набекрень, и, что больше всего бросалось в глаза, с подвернутыми рукавами форменок. Почиталось, видимо, признаком особого шика, модой эта постоянная готовность к кулачному бою. Кое-где мелькали на улицах клеши — одно из величайших завоеваний Февральской революции, клеши, сделавшиеся впоследствии неременной принадлежностью разного рода жоржиков, имевших такое же отношение к морю и флоту, как судовые тараканы к кораблевождению»⁶.

Весной-летом 1917 года в Финляндии, как и по всей стране, продолжалось символическое разрушение «имперского наследия». Наряду с уже «освоенными» сверхсемиотизированными объектами городского пространства, каким стал Мариинский дворец — бывшая резиденция российских монархов в великокняжеской столице, где разместился Исполком Гельсингфорсского совета, или бывшая царская яхта «Штандарт», на которой теперь находился Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) — высшая выборная власть моряков на Балтике, появлялись и новые, практически лишенные связи с прежней имперской символикой. Новой «святыней» для солдат и матросов становились здания Матросского и Артиллерийского клубов, позже — Клуба анархистов вблизи гельсингфорсского порта.

Бурный процесс формирования новой революционной символики, не обошедший стороной стоявшие в Финляндии российские войска, свидетельствует о стремительной переоценке норм и ценностей, которые были выработаны в армейской и флотской среде во время Первой мировой войны, а также о пришедших им на смену представлениях, определявших мировосприятие и поведение рядовых и офицеров и устанавливавших их новую групповую идентичность.

Со времени Февральской революции российское общество быстро политизировалось, и для официальной печати (правительственных и партийных газет, брошюр и т. п.) стало невозможно определить, в каком значении разными слоями общества будут употребляться понятия «языка революции». Сочетания тех или иных толкований в индивидуальном восприятии иногда приводили к возникновению нового смысла, который авторы дискурса вовсе не вкладывали в содержание понятий [10]. Ярким подтверждением этому служат письма рядовых матросов и солдат в редакции русских газет, выходивших в Гельсингфорсе, Або, Выборге.

Хранящиеся в Национальном архиве Финляндии и в РГАВМФ неопубликованные письма военнослужащих в редакцию гельсингфорских «Известий» не только позволяют проследить, как при помощи уже возникших революционных символов авторы газетных публикаций целенаправленно формировали представления читательской аудитории. Исследуемые «эго-документы» дают возможность увидеть, какой была судьба этих представлений, как на уровне массового сознания определенные символы наполнялись иным содержанием, подчас весьма отличным от того, что виделось представителям политических партий [11].

Характер источников этого типа предопределил обращение к вербальной символике: в письмах военнослужащих упоминаются партийные лозунги, девизы, словесно выраженные обобщенные понятия, прежде всего — Свобода, Свободная Россия, Революция, Единая семья освобожденных граждан страны. Как показал петербургский историк П. К. Корнаков, вербальная символика составляет одну из групп, на которые, наряду с цветовой, изобразительной, музыкальной символикой, можно условно разделить символы русской революции, постоянно переплетавшиеся и взаимодействовавшие друг с другом [12: 359–364].

Весной 1917 года новая революционная фразеология стала объектом подтрунивания со стороны сотрудников редакции абоских «Известий», которые в разделе юмора предложили читателям ряд словесных штампов, выдержанных в духе времени: «С днем товарища ангела», «С группой сознательных новорожденных», «Комиссия подрайонной группы уездных дезертиров», «гражданин покойный дядюшка» и т. д. Почти в каждом из присланных в редакцию гельсингфорских «Известий» многочисленных стихотворных рассуждений военнослужащих о «больных вопросах», связанных с происходящим в стране, можно обнаружить символы, особенно присущие рифмованному тексту.

Главным символом победившей революции стал Военно-морской министр Временного правительства А. Ф. Керенский, персонифицировавший политический курс новой власти и именовавшийся в радикальной среде «народным трибуном» и «первой любовью революции». Пропагандистская кампания в пользу «народного министра» Керенского весной 1917 года сформировала в прессе образ, призванный создать и усилить восприятие его личности как избранной [13]. В полном соответствии с духом этой кампании свеаборгский артиллерист Г. Андреев в начале июля именвал Керенского «славным бесстрашным рыцарем Доблестной армии и флота», а в одном из писем, полученных на флоте из провинции, Керенский был назван «истинно великим человеком»⁷.

Уже в мае 1917 года, указывая на явные признаки разложения армии, депутат офицерского комитета 3-го Прибалтийского конного полка В. Любимов с горечью писал: «...значит, есть пропасть, на краю которой стоит наша Россия, если даже Керенский, тот, на которого смотрела вся Россия, как на упорного борца свободы, даже тот кричит об этой опасности. Страна может защищаться только армией. У нас этой армии нет. Керенский попытался спасти ее, но эти попытки бесполезны»⁸.

Среди символов революции, встречающихся на страницах писем в редакцию гельсингфорских «Известий», наиболее часто появляются Свобода и образ «дорогой матери — свободной революционной России». Свобода как символ европейских революций вошла в число образов, излюбленных авторами писем, благодаря выразительному использованию девиза Великой Французской революции «Свобода! Равенство! Братство!» в книжной, журнальной, плакатной графике, при оформлении знамен и лозунгов [14: 389]. В одном из писем-обращений под заголовком «К гражданам-воинам» примечательны образы Свободы и «Единения граждан России», а также типичное для солдат и матросов представление о врагах Родины во главе с бывшим российским монархом.

Враги часто наделялись зооморфными и инфернальными признаками: «У нас нет больше вампиров, сосущих наш пот и кровь. И с той высоты, где месяц назад сидел один из страшнейших

и кровожаднейших вампиров, объявлено братство, равенство всех народностей, населяющих наше отечество. Теперь нет больше среди нас кровожадных леопардов: мы все без различия общественного положения и вместе пасемся в нашем отечестве, и пасет нас малое дитя. Это наша юная, но сильная духом долгожданная, драгоценная свобода». В изобразительной символике русской революции свобода, как правило, представляла в виде прекрасной женщины в античном одеянии. А автору процитированного текста, озаглавленного «Великий социалист», Свобода видится в общехристианском образе пастыря, зорко оберегающей, несмотря на свой младенческий возраст, вверенное ее заботам беззащитное стадо. Образы России и Свободы персонифицированы как мать и дитя, которых необходимо уберечь от «внешнего врага» — «кровожадного Вильгельма, не признающего ни Божеских, ни человеческих законов». Во имя продолжения войны с Германией автор письма призывает «обняться в братском объятии и стоять на страже, охраняя мать нашу родину и священную свободу от врага». «Пусть все граждане России спокойно пеленают нашу новорожденную малютку — Свободу, пусть знает малютка, что враг не придет и не нарушит её благотворного сна... На нас лежит долг осушить слезы жен и матерей, мужа и дети которых оросили своей кровью родные поля», — призывает автор читателей газеты⁹.

Датированное серединой марта 1917 года воззвание судебного комитета линейного корабля «Андрей Первозванный» к мастеровым, работавшим на оборону, использует те же героические символы военного времени (память о павших воинах) и новую революционную символику: «Мы достигли желанных идеалов и единогласно признали, доверились и слились с Временным Народным Правительством. Вся мыслящая Россия признала, что для осуществления идеалов свободы необходимо сломить нынешнего сильного, упорного врага — Германию. К этому нас призывают наши павшие герои во славу России. Товарищи мастеровые, вспомните, как давалась нам свобода, сколько крови мы пролили, неужели мы теперь отдадимся варвару-врагу — не для этого лилась кровь за свободу, страдали борцы, сосланные в Сибирь... Дайте возможность флоту встать на стражу столицы. Вы устали, но ведь вся Россия несет сейчас на алтарь отечества все, что может. Наше будущее поколение не забудет трудов ваших, вечная память и слава покроет первых свободных граждан Великой России»¹⁰.

Среди символических «образов врагов» в апрельском письме матроса транспорта «Кама» С. Литвинова присутствует кайзер Германии — «проклятый гений Вильгельм», который «залил всю карту кровью наших братьев». Обращаясь к солдатам и рабочим, автор призывал, чтобы граждане Свободной России все свои силы сплотили воедино и отстояли «долгожданную свободу и прочный мир для всего человечества всего мира»¹¹.

Известно, что жертвенность почти всегда сопутствует мессианству, мессианские настроения характерны для политической традиции русских революционеров, определявшей в 1917 году образ мыслей почувствовавшего вкус к политике «маленького человека». [3: 268]. Примечательно, что в представлениях преобразователей старого мира русский народ был призван привести человечество к справедливому миру и наделялся качествами мессии, тоже становясь своего рода символом. Весной 1917 года, полемизируя с направленной против «Займа Свободы» публикацией в газете гельсингфорсских большевиков «Волна», матрос службы связи А. Доманов писал: «как русский человек, я скажу... только русский народ должен продиктовать условия мира Германскому правительству (я не говорю народу) и дать свободу народам Германии, такую, как он завоевал себе»¹².

Образы «новых» врагов — офицеров, чиновников, «комитетского» начальства, сложившиеся в представлениях рядовых военнослужащих, ассоциировались с экзотическими африканскими животными: леопардами, пантерами, крокодилами, змеями из «чужого» животного мира или даже с уже упоминавшимися инфернальными силами — вампирами и т. п. Матрос Раменский, автор стихотворения «К современному быту», противопоставил себя и своих товарищей врагам в соответствии с законом бинарности («мы» / «они») следующими строками:

«Не нужно нам, всему трудовому народу,
Чужих земель, чужих трудов,
Но нас буржуй с пантерскою душою
С лица земли стереть готов.

Не надо, братцы, покоряться
Всем этим зверям никогда.
Они нас мучили уж много,
Теперь уж нам пора, пора!
Зачем мы слушаем их речи?
Зачем в страну пускать их яд?
Они как змеи или крокодилы
Хотят опять забрать в кулак»¹³.

Разумеется, среди образов-антагонистов встречаются и близкие россиянам зооморфные пары: рядовые («суконные погоны») ассоциировались у нижних чинов с беззащитными ягнятами, а офицеры («серебряные или золотые блестящие») — с охотящимися за своей добычей хищниками: «...из сукна, эти погоны представляют собой в лесу малого ягненка, а блестящие представляют из себя голодного кровожадного зверя». «Когда голодный зверь увидит в лесу ягненка, то он все силы ложит, как бы растерзать этого маленького ягненка, — писал в редакцию гельсингфорских «Известий» комендор с эсминца «Лейтенант Ильин» С. Чуканов, — так и блестящие, увидят суконный и стараются как бы их загнать под суд военный, морской или полевой, чтобы они не увидели своего родного края, то так и было»¹⁴.

Рис. 2. Матросы линейного корабля «Петропавловск» на Сенатской площади Гельсингфорса летом 1917 года [15: 44]

Одним из самых распространенных «образов врагов» стал «буржуй», внутренний классовый враг и виновник всех бед. Применительно к Финляндии он стал отождествляться в представлениях российских военнослужащих с этническим образом шведа. Выступая против публикаций сотрудника библиотеки Гельсингфорского университета В. М. Смирнова по «финляндскому вопросу», редакция абоских «Известий» заявила следующее. «Некий Смирнов, доказывая в «Известиях Гельсингфорского совета», что Финляндия обязана отделиться от России, пишет: «Крупные финские капиталисты (читай: шведы), как, например, металлические и писчебумажные фабриканты, находят в торговых видах выгодным соединение Финляндии с Россией». Не с целью оправдания финских буржуев пишем мы эти горькие слова, но с болью в сердце показываем враждебное отношение к нам со стороны финских товарищей»¹⁵.

Важную сторону новой психологии военнослужащих, порожденной обстановкой уже три года длившейся войны и переменами революционного времени, составило представление о необходимости

подавления контрреволюционного и антинародного «заговора буржуазии».

«А что нас капиталисты, буржуи страшат голодом, что земли перейдут крестьянам и останутся незапаханными, что некому обрабатывать, — разъяснял в своем письме старший унтер-офицер 1-й роты того же 423-го полка Ф. Фомичев, — то ведь поймите, товарищи, то помещики-то не своими руками работали, а такие же крестьяне... Обезлюдела деревня — обезлюдели и помещики, и если надвигается голод, то и эти люди не могут спасти Россию... оставлением земли у помещиков до созыва Учредительного Собрания»¹⁶.

Так антибуржуазная пропаганда социалистов создавала у рядовых «образ врага», усиливая подозрительность к офицерству, военным чиновникам, духовенству, к сторонникам иных политических взглядов. Различные партии и организации предлагали свое понимание термина «буржуазия», но на уровне массового сознания появлялись иные оценки, подчас весьма отличные от партийных. Часто же различное толкование понятия «буржуазия» вызывало социокультурные конфликты [16: 195–196].

«По слухам и нас, работников пера и рейсфедера, топора и лопаты, причисляют к буржуям», — недоумевал весной 1917 года В. Палажченко, один из авторов первой русской газеты в Або, утверждая, что его мнение — это мнение всех служащих и рабочих строительства Або-Оландской укрепленной позиции. «Мы представляем собою весьма разношерстную... и крайне разнообразную в своих самобытных толкованиях социальных вопросов публику, часто у нас выписываются газеты “буржуйских” направлений, как называют их товарищи-рабочие», — отметил автор публикации. Призвав к политическому самообразованию, он выразил надежду на то, что «путем беседований и чтения лекций мы обрисуемся настолько, что наши товарищи-рабочие, тесно связанные с нашими профессиями», больше не будут видеть «в нас ненавистный им образ буржуя»¹⁷.

А вот точка зрения, выраженная в письме солдата 3-й роты П. Савина, который служил в 423-м Лужском полку, ко времени революции находившемся под значительным влиянием большевиков: «Нам-то, беднякам, одели всем серые шинели. А в деревне-то остался кто? Да мелкие буржуи. Например, кто попал на Всероссийский съезд [Советов. — Е. Д.] — старшины, писаря, учителя, торговцы, крестьяне, которые были раньше не обижены. Так то повара да учителя, приспешники старого режима, теперь и выбраны везде»¹⁸.

Помимо офицеров и чиновников старой администрации к потенциальным «врагам революции» причислялись и представители духовенства. Депутат Свеаборгского крепостного артиллерийского полка Смирнов в июле 1917 года сообщил в редакцию «Известий Гельсингфорсского Совета» об услышанном им на улице высказывании некой русской женщины: «Для чего-то устроили противные солдатские советы, чтобы еще хуже позорить честных людей». На вопрос депутата, где она служит, был получен ответ: «В Гельсингфорсе у священника». Показательно заключение автора письма: «Да, действительно, “хорошие люди” подтвердились... Прежде чем возиться с этими подкупленными прислугами, нам нужно подготовить все жизненное основание, дабы впредь не разводить хаос, как это было при Николае»¹⁹. Широкое морализирующее обобщение, немедленно сделанное на основании единственного упоминания о священнике, весьма характерно для политического языка представителей «революционной демократии» гельсингфорсского гарнизона.

Автор одной из заметок, опубликованной гельсингфорскими «Известиями» в начале июля, называет «прислужниками бывшего царизма» представителей духовенства, которые выступали против сельского учительства: «попы натравливают нашего темного крестьянина на учителей, тружеников школы, говоря, что в школе не хотят учить слову Божию», а поверившие им крестьяне «выгоняют учителей из школы и деревни»²⁰.

«Антибуржуйские» настроения распространяли самые различные, подчас конфликтующие силы, и это затрудняло возможность их прочного соглашения. В начале августа служивший в крепости Свеаборг рядовой 428-го Лодейнопольского пехотного полка недавний крестьянин Г. Т. Шеин обратился к солдатам с призывом «не слушать смуты», исходившей от лиц, «натравливающих солдат против матросов». В воззвании, предназначавшемся им для публикации в «Известиях Гельсингфорсского совета», возникает весьма расплывчатый образ внутреннего врага: «нам не для того даны пули и штыки, чтобы бить своих товарищей и братьев, а для тех, с кем мы боремся — кому дороги роскошные кресла и автомобили»²¹.

Не только гарнизоны оказывали революционизирующее воздействие на финскую политику, но и финляндские рабочие и социал-демократы также, в свою очередь, втягивали в революционные действия российских военнослужащих, многие из которых прежде были далеки от политики. Эта динамика стала еще более явной летом 1917 года в связи с обострением конфликта между Временным правительством и финским парламентом (сеймом), относительно статуса Финляндии.

В течение 1917 года в условиях развала имперских государственных институтов и обострения военного и политического положения страны финляндские политические элиты все активнее стали выдвигать требования закрепления прав автономии посредством международных гарантий, а позже — и полного отделения от Российского государства. Характерно, что войсковые комитеты и русские Советы в Финляндии, первоначально поддерживавшие Временное правительство, в итоге встали на сторону финляндского сейма в его конфликте с имперским центром. В российской столице не только либералы из Временного правительства, но и умеренные социалисты стремились отложить решение вопроса о статусе Финляндии до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Тем временем финляндские социал-демократы, ставшие главной силой национального движения, все более определенно выступали за скорейшую независимость страны. Радикализация солдатской революции и соответственное ослабление контроля Временного правительства над положением в регионе также подталкивали финляндцев к тому, чтобы решительно добиваться национальной независимости. Размежевание политических сил в финляндских войсках, которое обозначилось в этом противостоянии и стало заметным в последующие «корниловские дни», особенно проявилось осенью 1917 года.

Рис. 3. Российский солдат и финский красногвардеец, 1918 [17]

Проблема пребывания российской армии и флота в бывшем Великом княжестве вышла далеко за рамки вопросов о невозможности мириться с бесчинствами разлагающихся войск и о продовольственных трудностях гражданского населения из-за скопления огромного количества военных, о чем с особым неистовством писала финляндская пресса. Среди редакционных материалов гельсингфорсских «Известий» встретила заметка, озаглавленная «Местная печать», по-видимому, принадлежавшая перу кого-то из членов редакции. Она касалась запроса, сделанного Центральному комитету Социал-демократической партии Финляндии по поводу статьи «о зверствах, будто бы чинимых русскими войсками». По словам ее автора, в действиях редакции одна из шведских газет «усмотрела призыв к нарушению свободы печати и по этому поводу называет нас защитниками убийц, грабителей и хулиганов». Однако, обещая «клеить» все, «что сделано позорного членами Российской Республики, в какие бы они костюмы одеты ни были», редакция заявила, что никогда не согласится «травить одну нацию на другую». Предоставив «исключительную монополию» на это «буржуазной печати», она потребовала, чтобы ЦК СДПФ «не позволял обобщать фактов и называть все войска, стоящие здесь, убийцами, хулиганами и грабителями»²².

Заключение

Знакомство с письмами военнослужащих, поступившими в редакции армейских газет в Финляндии, позволяет сделать заключение, что за очень непродолжительный срок первых революционных месяцев «маленькие люди», действительно, освоили гражданский дискурс. Война стала причиной крайне динамичных перемен в состоянии российского общества, в его отношении к государственным и общественным институтам и, как следствие, в настроениях и взглядах, задолго до революционных потрясений 1917 года. Вслед за изменениями военного времени в городской, сельской, армейской среде и переменами в культурной и религиозной жизни значительные перемены претерпела и духовная жизнь людей. В первую очередь и в наибольшей мере эти процессы коснулись солдат и матросов как самых массовых участников военных действий, повлияв на различные стороны восприятия ими окружающего мира [18: 180].

В составе войск, дислоцированных в Финляндии, были представители многих национальностей, населявших Россию. Контакты финляндцев с военнослужащими финно-угорского происхождения (эстонцами, ингерманландцами) были наиболее заметными. Повседневное же общение большинства нижних чинов с жителями гарнизонных городов и крестьянами приходов, на территории которых находились позиции, оставались минимальными. Специфические условия изолированности военных от основного гражданского населения облегчали работу сепаратистски настроенных деятелей финского национального движения («активистов»), которые при помощи прессы создавали «образ врага» на месте культивировавшегося официальной печатью, особенно в годы войны, образа защитника — русского солдата. Военные, находившиеся в иноэтничном окружении и среди людей другой конфессиональной принадлежности, оказывались заложниками политических амбиций российских и финляндских властей.

«Эго-документы», позволяющие судить об умонастроениях «человека с ружьем» в период «демократизации» армейской и флотской жизни, свидетельствуют о том, что проявления естественных человеческих чувств сопереживания, взаимовыручки, признательности несопоставимы с конструируемыми расхожими «образами» потенциальных врагов, которые навязывались российским военным и финляндцам как до революционных событий, так и в изменившейся общественно-политической ситуации 1917 года [7: 54–68]. Охлаждение отношения финляндцев к военнослужащим и формировавшийся местной прессой «образ врага» в обстановке падения воинской дисциплины неизбежно влекли за собой и перемены в представлениях военнослужащих о населении Финляндии.

Стремление финляндцев к независимости усиливалось не только благодаря пропаганде «активистских взглядов», но и под воздействием беспорядочных выступлений российских солдат и матросов, которые сыграли свою роль в радикализации национальных устремлений жителей Финляндии. Осенью 1917 года главную роль играли сомнения финляндских политиков по поводу того, что зарубежные страны не признают независимости территории, на которой находились чужие войска. Финляндское правительство безуспешно пыталось достичь договоренности о выводе войск, поскольку в условиях

продолжавшейся мировой войны советское правительство, признавшее независимость Финляндии 31 декабря 1917 года, не желало возникновения военного вакуума на подступах к Петрограду. Эта мотивация, вполне понятная с точки зрения российских стратегических интересов, вызывала в то же время дополнительные опасения финляндского правительства. Они были связаны с тем, что российские войска, возглавляемые радикализированными комитетами, которые, казалось, стали подчиняться советской власти, не смогут удержаться от вмешательства во внутренние дела Финляндии.

По мере развития событий все отчетливее ощущалась тенденция смещения приоритетов от лояльности к конфронтации по отношению к российской власти. Обсуждение этого вопроса вело к расколу финляндского общества, что проявилось в противостоянии сторон во время разгоравшейся Гражданской войны, жертвами которой в 1918 году стали десятки тысяч человек. На последнем этапе своего пребывания в Финляндии русские гарнизоны оказались ее свидетелями, и вряд ли правомочно называть «оккупационными» войска, более века остававшиеся здесь на защите границ Российской империи. Следует согласиться с заключением финского историка П. Лунтинена о том, что русское военное присутствие в Финляндии не было оккупацией, и в ещё меньшей степени «режимом террора» [2: 406]. Происшедшее законным путем отделение Финляндии в удачно выбранный момент, когда Россия была наиболее слабой, не меняет статуса частей и соединений, находившихся в это время в составе российской действующей армии.

Список сокращений

АОУП — Або-Оландская укрепленная позиция

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского флота (Санкт-Петербург)

СДПФ — Социал-демократическая партия Финляндии

ЦК — Центральный комитет

КА — Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии)

Примечания

¹ Например: Воззвание от Временного Исполкома Николайстадского гарнизона // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 22 марта; КА. Коллекция «Русские военные бумаги». Д. 7240. — Общая переписка Секции охраны народной свободы; РГАВМФ. Ф.Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 33, 83–84, 110. Финляндская печать различных направлений, добиваясь вывода русских войск, то и дело помещала заметки о постоянно наблюдавшихся фактах нарушения солдатами и матросами общественного порядка. (См. об этом: Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina. Osa. I. Helsinki, 1967. S. 63–87).

² КА. Там же. Д. 11970 (листы не нумерованы).

³ КА. Там же. Д. 9051. Приказ № 33 по гарнизону г. Торнео от 18 июня 1917 г.

⁴ КА. Там же. Д. 9051. Торнеоский пограничный пункт.

⁵ Козлов В. Новое явление // Выборгский солдатский вестник. 1917. 27 июня.

⁶ Панцержанский Э. С. От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 7. С. 87.

⁷ КА. Там же. Д. 11970.

⁸ Любимов В. Россию забыли // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих АОУП. 1917. 20 мая.

⁹ КА. Там же. Д. 11970.

¹⁰ КА. Там же. Д. 11970.

¹¹ КА. Там же. Д. 11970.

¹² КА. Там же. Д. 11970.

¹³ РГА ВМФ. Ф.Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 88.

¹⁴ КА. Там же. Д. 11970.

¹⁵ От редакции // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих АОУП. 1917. 15 июня.

¹⁶ Ильин-Женевский А. Ф. Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября. (Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет в 1917 г.). М., 1933. С. 107–108.

¹⁷ Палажченко В. Сфинкс Строительства // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих АОУП. 1917. 21 апреля.

- ¹⁸ Ильин-Женевский А. Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября. (Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет в 1917 г.). М., 1933. С. 123–124.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф.Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 78.
- ²⁰ Егор. Не спешат // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 1 июля.
- ²¹ КА. Там же. Д. 11970.
- ²² РГА ВМФ. Ф.Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 112.

Список источников

1. Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.
2. Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.
3. Ольнева О. В., Федюк В. П. Общественные настроения российской провинции в 1917 году // Социальная история: ежегодник. 2010 / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алтейя, 2011. С. 251–283.
4. Дубровская Е. Ю. Повседневная жизнь российских военных в Финляндии в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. 2018. № 11 (9). С. 83–99.
5. Булдаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / редколл. П. В. Волобуев, В. П. Булдаков, С. М. Исхаков, В. Л. Телицын. М.: Институт Российской истории РАН, 1997. С. 208–217.
6. Рябова Л. А. Социальные трансформации: современные методологические подходы к исследованию // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2005. С. 31–41.
7. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.
8. Модсли И. Солдаты и матросы // Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / ред. Э. Актоң, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 558–564.
9. Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.
10. Слова и конфликты. Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сборник статей / ред. Б. И. Колоницкий. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022. 328 с.
11. Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 109–118.
12. Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / редколл. В. Ю. Черняев, З. Галили, П. Хаймсон, Б. И. Колоницкий, С. И. Потолов, Ю. Шеррер. СПб.: «Глагол», 1994. С. 356–365.
13. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март – июнь 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
14. Ильина Г. И. Образ европейских революций и европейская культура (март 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / редколл. В. Ю. Черняев, З. Галили, П. Хаймсон, Б. И. Колоницкий, С. И. Потолов, Ю. Шеррер. СПб.: «Глагол», 1994. С. 383–393.
15. Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Изд-во ОСТРОВ, 2001. 350 с.
16. Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / редколл. В. Ю. Черняев, З. Галили, П. Хаймсон, Б. И. Колоницкий, С. И. Потолов, Ю. Шеррер. СПб.: «Глагол», 1994. С. 188–202.
17. Дубровская Е. Ю. Многомерная радикализация: российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 65 с.
18. Гребенкин И. Н. Русский солдат в годы Первой мировой войны. Религиозные аспекты мировоззрения и их трансформация // Война и сакральность. Материалы Четвертых междунар. науч. чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург — Выборг — Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.) / отв. ред. И. О. Ермаченко, С. М. Капиilupи. М.; СПб.: ИВИ РАН, 2010. С. 180–183.

References

1. Petrov Ju. A. Rossiya nakanune Velikoj revolyucii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendencii [Russia on the eve of the Great Revolution of 1917: modern historiographic trends]. *Rossijskaja istorija* [Russian history], 2017, no. 2, pp. 3–16. (In Russ.).
2. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918*. Helsinki, SHS, 1997, 486 p.
3. Olneva O. V., Fedyuk V. P. Obshhestvennye nastroyeniya rossijskoj provincii v 1917 godu [Public sentiments of the Russian province in 1917]. *Social'naja istorija: ezhegodnik. 2010* [Social History: Yearbook. 2010]. Saint Petersburg, Alteija [Althia], 2011, pp. 251–283. (In Russ.).
4. Dubrovskaja E. Ju. Povsednevnaia zhizn' rossijskikh voennykh v Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny [Daily life of the Russian military in Finland during the First World War]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies], issue 15, 2018, no. 11 (9), pp. 83–99. (In Russ.).
5. Buldakov V. P. Istoki i posledstviya soldatskogo bunta: k voprosu o psihologii “cheloveka s ruz'em” [The origins and consequences of the soldier's rebellion: to the question of the psychology of “a man with a gun”]. *1917 god v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaja revolyucija: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniju* [1917 in the fate of Russia and the world. February Revolution: from new sources to a new understanding]. Moscow, Institut Rossijskoj istorii RAN [Institute of Russian History of the Russian Academy of Science], 1997, pp. 208–217. (In Russ.).
6. Rjabova L. A. Social'nye transformacii: sovremennye metodologicheskie podhody k issledovaniju [Social transformations: modern methodological approaches to research]. *Chelovek v sociokul'turnom prostranstve: Evropejskij Sever Rossii* [Man in socio-cultural space: Russian European North. Collected papers]. Apatity, Izd-vo Kol'skogo nauchnogo centra RAN [Kola Science Centre RAS], 2005, pp. 31–41. (In Russ.).
7. Dubrovskaja E. Ju. Rossijskie voennoslužhashhie i naselenie Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian servicemen and the population of Finland during the First World War]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, 128 p. (In Russ.).
8. Modslj I. Soldaty i matrosy [Soldiers and Sailors]. *Kritičeskij slovar' Russkoj revolyucii: 1914–1921* [Critical Companion to the Russian Revolution: 1914–1921]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija, 2014, pp. 558–564. (In Russ.).
9. *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927: Zajavlenija, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdjam* [Letters to power. 1917–1927: Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders]. Moscow, ROSSPJEN [Russian Political Encyclopedia], 1998, 664 p. (In Russ.).
10. *Slova i konflikty. Jazyk protivostojanija i jeskalacija grazhdanskoj vojny v Rossii: sbornik statej* [Words and conflicts. The language of confrontation and the escalation of the civil war in Russia: collection of articles]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press], 2022, 328 p. (In Russ.).
11. Kolonickij B. I. “Demokratija” kak identifikacija: k izucheniju političeskogo soznaniya Fevral'skoj revolyucii [“Democracy” as an identification: to the study of the political consciousness of the February Revolution]. *1917 god v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaja revolyucija: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniju* [1917 in the fate of Russia and the world. February Revolution: from new sources to a new understanding]. Moscow, Institut Rossijskoj istorii RAN [Institute of Russian History of the Russian Academy of Science], 1997, pp. 109–118. (In Russ.).
12. Kornakov P. K. Simvolika i ritualy revolyucii 1917 g. [Symbols and rituals of the revolution 1917]. *Anatomija revolyucii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* [Anatomy of Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power]. Saint Petersburg, Glagol Publ., 1994, pp. 356–365. (In Russ.).
13. Kolonickij B. I. “Tovarishh Kerenskij”: antimonarhicheskaja revolyucija i formirovanie kul'ta “vozhdja naroda”. Mart – ijun' 1917 goda [“Comrade Kerensky”: anti-monarchist revolution and the formation of the cult of “leader of the people”. March – June 1917]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2017. 520 p. (In Russ.).
14. Il'ina G. I. Obraz evropejskikh revolyucij i evropejskaja kul'tura (mart 1917 g. — nojabr' 1918 g.) [Image of European revolutions and European culture (March 1917 — November 1918)]. *Anatomija revolyucii*.

1917 god v Rossii: massy, partii, vlast' [Anatomy of Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power]. Saint Petersburg, Glagol Publ., 1994, pp. 383–393. (In Russ.).

15. Kolonitskij B. I. *Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu* [Shoulder straps and the struggle for power in 1917]. Saint Petersburg, 2001, 83 p. (In Russ.).
16. Kolonitskij B. I. *Antiburzhuaznaja propaganda i "antiburzhujское" soznanie* [Anti-bourgeois propaganda and "anti-bourgeois" consciousness]. Saint Petersburg, Glagol Publ., 1994, pp. 188–202. (In Russ.).
17. Dubrovskaya Ye. Yu. *Mnogomernaya radikalizatsiya: rossiyskiye voyennosluzhashchiye natsional'nyye i sotsial'nyye dvizheniya finlyandtsev v 1917 g.* [Multidimensional Radicalization: Russian Servicemen Finnish National and Social Movements in 1917]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016. 65 p. (In Russ.).
18. Grebenkin I. N. *Russkij soldat v gody Pervoj mirovoj vojny. Religioznye aspekty mirovozzreniya i ih transformacija* [Russian soldier during the First World War. Religious aspects of worldview and their transformation]. *Vojna i sakral'nost'. Materialy Chetvertyh mezhdunar. nauch. chtenij "Mir i vojna: kul'turnye konteksty social'noj agressii"* (Sankt-Peterburg — Vyborg — Staraja Ladoga, 1–4 oktjabrja 2009 g.) [War and Sacrality. Materials of the Fourth International. Scientific readings "Peace and War: Cultural Contexts of Social Aggression" (St. Petersburg — Vyborg — Staraya Ladoga, October 1–4, 2009)]. Moscow, Saint Petersburg, Institut Rossijskoj istorii RAN [Institute of Russian History of the Russian Academy of Science], 2010, pp. 180–183. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 31.03.2023; принята к публикации 21.04.2023.
The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 31.03.2023; accepted for publication 21.04.2023.